

УДК

ПОРТРЕТ УЧИТЕЛЯ В ИНТЕРЬЕРЕ ВРЕМЕНИ

В. В. Ищенко

Институт всеобщей истории РАН, 119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32 А
vikist@rambler.ru

Освещается жизненный путь и вклад в историческую науку доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой всеобщей истории Пермского государственного национального исследовательского университета П.Ю. Рахшмира.

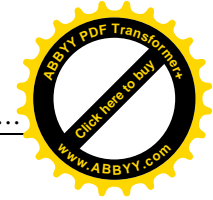
Ключевые слова: П.Ю. Рахшмир, кафедра всеобщей истории. Пермский государственный университет, консерватизм, Институт всеобщей истории РАН.

В последние четверть века моя профессиональная деятельность связана с Институтом всеобщей истории Российской академии наук. А начинал я постигать ремесло историка в Перми, на истфаке Пермского университета, под чутким руководством профессора Павла Юхимовича Рахшмира. От него и услышал более сорока лет назад – в 1973 г. – загадочное тогда для меня словосочетание «германский консерватизм». «Что ты знаешь о консерватизме в Германии?» – совершенно неожиданно и не к месту (дело происходило тёплым солнечным утром на теннисном корте) спросил меня Павел Юхимович. Пришлось честно сознаться, что не знаю ничего. «Тогда пора заняться настоящим делом», – подвёл итог нашему экспресс-диалогу профессор Рахшмир. Настоящее дело, начавшись с изучения статьи Павла Рахшмира «Проблемы взаимосвязи нацизма и “революционного консерватизма” в буржуазной историографии», опубликованной в «Ежегоднике германской истории» за 1973 г., и, растянувшись на десятилетия, продолжается до сих пор.

Со своим будущим научным руководителем, который в моей жизни на самом деле значил и значит гораздо больше, чем традиционно понимаемый управленец штудиями аспиранта, познакомился очень давно. Задолго до того, как стал слышать и понимать значение таких слов, как «университет», «кафедра», «факультет». Первая встреча состоялась, если мне память не изменяет, в далёком 1952 г. и совсем не в академической обстановке. В недавно построенном спортивном зале «Динамо», где на фронтоне красовался огромных размеров портрет вождя и «лучшего друга советских физкультурников» Иосифа Сталина, проходило первенство города (тогда ещё Молотова) по фехтованию. Меня, второклассника, в спортзал привела мама. Впечатлений была масса, не все они сохранились в памяти, но самые яркие остались в ней теперь уже на всю жизнь. И среди них такая картина: семнадцатилетний будущий профессор и заведующий кафедрой, виртуозно владея шпагой, довольно ловко расправлялся со своими соперниками, которые и по возрасту, и по габаритам значительно его превосходили. Трудно было поверить, что этот худощавый с румянцем на щеках юноша, внешне больше напоминавший прилежного тихоню-отличника, совершенно преобразался, выходя на боевую дорожку. Он становился жёстким, неуступчивым, целеустремлённым бойцом, который не столько делал ставку на силу и напор, сколько стремился интеллектуально переиграть соперника, выиграть у него блиц в «фехтовальные шахматы», используя порой совершенно парадоксальные ходы. О том, насколько серьёзно молодой Рахшмир относился к своим спортивным увлечениям, говорит тот факт, что он неоднократно становился чемпионом Пермской области, являлся кандидатом в сборную команду России, его имя хорошо было известно среди ведущих спортсменов страны, многие из которых подымались на пьедесталы почёта Олимпийских игр и мировых чемпионатов.

Приобретённые в спорте молниеносная реакция, цепкость, умение учитывать, казалось бы, незначительные детали и нюансы трансформировались со временем в визитную карточку Рахшмира – учёного, университетского профессора.

Хорошо известно, что Павел Юхимович в науке всегда тяготеет к анализу глобальных тенденций и процессов, происходивших и происходящих в обществе, политике, политической философии, исторической науке. Однако при этом никогда не забывает оттенить и обогатить свой макроанализ массой интересных, порой совершенно неожиданных деталей и подробностей. Думаю, что именно благодаря этому его лекции и научные доклады на протяжении полувека пользуются

популярностью среди студентов университета и учёных.

Пермский государственный университет, на исторический факультет которого П.Ю. Рахшмир пришёл после школы, закончил его и, не уходя никуда, работает по сей день, стал его вторым домом. Таким же родным домом на протяжении не одного десятка лет был для него упоминавшийся уже пермский стадион «Динамо». Даже став крупным учёным, известным за пределами России автором научных работ по истории и историографии европейского фашизма, консерватизма, политических портретов мировых лидеров, он всегда начинал свой трудовой день на «Динамо», где ежедневно «накручивал» по 20 и более кругов по беговой дорожке, тестируя себя по методу Купера или испытывая на прочность гимнастические снаряды стадиона. Очень редко при этом он находился в одиночестве. Как правило, появившись на беговой дорожке, Павел Юхимович тут же обрастал попутчиками, с которыми щедро делился своими размышлениями о событиях и людях прошлого и настоящего, не уклоняясь от обсуждения острых вопросов и нелицеприятных для тогдашней власти оценок и характеристик, которые в те годы было небезопасно озвучивать в публичном пространстве, пусть и не очень широком. Хорошо помню август 1968 г. Знал бы Л.И. Брежнев и члены его Политбюро, в каких, мягко говоря, нелестных выражениях оценивал их решение расправиться с Пражской весной с помощью танков пермский историк Павел Рахшмир.

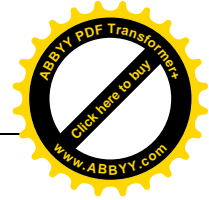
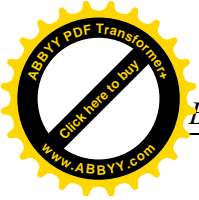
В какой-то степени стихийно возникнув, «беговые университеты» профессора Рахшмира со временем стали всё больше приобретать системный характер. Не будет преувеличением сравнить их с древнегреческой школой перипатетиков, а саму форму общения с аспирантами и соискателями охарактеризовать как пермский вариант неоплатонизма. Но в отличие от Аристотеля, который прогуливался с учениками во время лекций, Рахшмир вёл курс исторической науки во время бега, временами довольно интенсивного. Благодаря своему мэтру многие его аспиранты не только проложили себе путь в науку, но и приобщились к здоровому образу жизни.

Один из ведущих российских учёных-историков, профессор МГУ Владислав Павлович Смирнов вспоминает о своих первых встречах с Павлом Рахшмиром: «...Это был красивый, спортивный молодой человек, остроумный и очень эрудированный. Когда я узнал, что он ещё и ежедневно бегают, это обстоятельство вызвало у меня почтительное удивление».

Дружба В. П. Смирнова и П. Ю. Рахшмира началась более сорока лет назад, в 1974 г., когда профессор МГУ, будучи уже в то время в нашей стране одним из знатоков истории Франции XX в., истории Второй мировой войны и истории французского Сопротивления, приехал по приглашению профессора Л. Е. Кертмана в Пермь в качестве официального оппонента на процедуру защиты кандидатской диссертации Р. Г. Андаевой. Сам он так рассказывает об этом.

«Наше знакомство с Рахшмиром началось в Перми в 1974 г. Профессора Л. Кертмана, который, можно сказать, на пустом месте создал в Пермском университете кафедру, к тому времени я уже знал. Лев Ефимович много усилий и энергии тратил на формирование школы по исследованию мировой культуры. Благодаря этому значение Перми, значение исторического факультета ПГУ в научном мире ощутимо возросло. Пермь наряду с Саратовым и Казанью тогда стала высоко котироваться. Когда я приехал в Пермь, то первый, с кем встретившая меня Р. Г. Андаева – милая женщина, написавшая хорошую работу по французской культуре, – познакомила, был Павел Рахшмир. Вечер в день приезда я провёл у него в гостях. Сидели до глубокой ночи, т.к. по телевизору транслировали из Германии футбольный матч проходившего там чемпионата мира. Павел Юхимович и Виктор Владимирович (Ищенко. – В. И.) самозабвенно переживали у экрана, изредка вспоминая про своего московского гостя и снабжая его в огромном количестве футбольной и околофутбольной информацией. Меня, мало что понимавшего в футболе, поражало, как эти люди могли держать в своей памяти и составы многих команд СССР и мира, и итоговые результаты, и кто кому забил или не забил из выгодного положения.

Защита диссертации, состоявшаяся на следующий день, прошла вполне успешно. Удивляться не пришлось. Кафедра всеобщей истории ПГУ, где научная работа Андаевой была подготовлена, собравшаяся неформально отметить бенефис Раисы Германовны, производила самое приятное впечатление. Фонганирующее остроумие Л. Кертмана и П. Рахшмира, эпатажирующие своей изысканностью наряды диссертантки, обильное застолье, которое в те времена хронического дефицита могло поразить воображение даже столичного гурмана, но самое главное – высокий профессионализм всех коллег и какой-то особый шарм, особый дух свободомыслия. Явственно ощущалось, что это либеральное умонастроение, эта раскрепощённость были не случайностью, а атрибутом коллекти-

ва.

Состоявшееся в те далёкие годы наше знакомство оказалось обоюдно значимым, переросло в прочные дружеские отношения на всю жизнь. Павел Юхимович много раз бывал в МГУ на нашей кафедре, пользовался особым расположением её руководителя – профессора Ильи Саввича Галкина. У нас же, в МГУ, состоялось обсуждение его докторской диссертации. Хорошо помню, как мои коллеги со свойственным многим налётом столичного снобизма и чувством превосходства начинали слушать этого очень молодого пермяка. А после его выступления и дискуссии покачивали головами и восклицали: “Надо же, человек из провинции, но какую отличную работу представил!”

Шло время, и ещё очень многими отличными работами обогатил российскую историческую науку пермский учёный. А его монографию о князе Меттернихе считаю одной из лучших российских книг в этом жанре.

Дружба с Павлом Рахшмиром отнюдь не означала, что мы всегда и во всём были единомышленниками. Я поначалу никак не мог согласиться с его оценкой консерватизма. Как человеку, более тяготевшему к идеям левого политического спектра, мне не совсем понятна была природа современного консерватизма, который я считал тормозом на пути общественного прогресса. В наших беседах Павел Юхимович мне доказывал, что консерватизм не означает стагнацию и застой, а предполагает упреждающие реформы для предотвращения того, чтобы в один прекрасный момент радикалы вдруг не стали разом разрушать основополагающие устои в политике, культуре, морали. По прошествии многих лет начинаю осознавать и признавать правоту профессора Рахшмира».

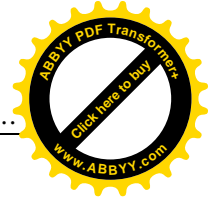
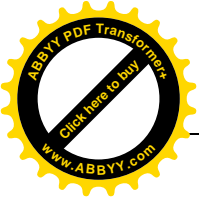
Трудно не согласиться с профессором Смирновым. Меня всегда поражала и восхищала широта и разнообразие жизненных интересов Павла Юхимовича. Здесь и литература, и театр, в которых он свободно ориентируется. Будь в те времена игра «Что? Где? Когда?», Павел Рахшмир затмил бы всех телезатоков. До сих пор для меня остаётся загадкой, как в докомпьютерное время один человек мог находить и перерабатывать столько информации.

Не могу не упомянуть о его восхищении такими представителями итальянского бельканто, как Тито Гобби, Марио дель Монако, Джинио Беки, Джанфранко Чеккеле, ставшими кумирами Рахшмира ещё в молодые годы. Думаю, именно творчество итальянских оперных певцов помогало ему, человеку аналитического склада, сохранять нервную энергию в условиях советского тотального партгосконтроля над всем, что происходило в культуре, науке, искусстве, гуманитарном образовании.

По степени эмоционального воздействия на Павла Рахшмира с итальянскими певцами могли соперничать разве что итальянские футболисты из «Скуадры адзуры» или киевские динамовцы под руководством великого маэстро Валерия Лобановского. О Лобановском Павел Юхимович может рассуждать часами, считая, что тот со своими идеями на полвека опередил время.

Если поразмыслить, то их – Рахшмира и Лобановского – многое сближает. Оба целиком, без остатка, преданы делу, которым занимались и в котором достигли таких успехов, о которых другим остаётся только мечтать. Оба целеустремлённо делали свою работу, не заискивая и не прогибаясь перед начальством. И тот и другой в достаточной мере авторитарно управляли своими подопечными и, создавая свои школы, свои команды, требовали от учеников полной отдачи делу, которому те решили себя посвятить. Оба щедро делились с учениками своим интеллектуальным богатством, добытым каждодневным самозабвенно-упорным трудом. Для них обоих лучший город на Земле – это Киев, хотя киевлянину Павлу Рахшмиру, эвакуированному из столицы Украины на Урал в 1941 г., не так уж часто доводилось затем бродить по улицам и переулкам, где прошло детство.

Если же быть биографически точным, то Павел Юхимович Рахшмир родился в небольшом старинном украинском городке Каменец-Подольске, снискавшем себе славу совершенно уникальной средневековой фортецией, окруженной глубокими отвесными каньонами, делавшими практически неприступным это крепостное сооружение. Для многих поколений советских детей образ таинственного, полного вековых загадок Каменец-Подольска тесно связан с трилогией Владимира Беляева «Старая крепость». Когда в 2004 г. мне довелось в силу своего служебного положения участвовать в Киеве в дискуссии с украинскими коллегами по поводу выбора места для проведения российско-украинской летней школы молодых историков, я воспользовался всем находящимся в моем распоряжении административным ресурсом, чтобы организовать школу именно в Каменец-Подольске на базе местного университета. Очень хотелось пригласить для чтения лекций профессора Рахшмира, чтобы он спустя шестьдесят с лишним лет снова ступил на родную землю. Мы и

программу школы подверстали «под Рахшмира»: идеи и люди в истории XX в., эволюция политических систем и т.п.

Жизненные обстоятельства, увы, сложились так, что Павлу Юхимовичу не удалось тогда побывать в городе, где начался его жизненный путь. Однако несколько его учеников из Пермского университета и историки из Екатеринбурга во главе с профессором В. Михайленко, которому в свое время Рахшмир тоже давал рекомендации, позволившие войти в «историческую элиту», положили тогда дорогу в Каменец-Подольск, достойно представив там пермскую историческую школу, а заодно смогли оценить красоту этих мест.

Суровый уральский природный антураж с годами стал привычным и родным для юноши с украинского Подолья. Но ностальгия по Украине, по культурно-бытовому укладу довоенной киевской жизни, навсегда осталась в сердце Павла Юхимовича, подпитывает его симпатии и антипатии.

Правда, истфак ПГУ всегда оставлял надежду на определенную интеллектуальную компенсацию этой ностальгии. Экс-киевляне Лев Кертман, Павел Рахшмир, Леонид Малинский, харьковчанин Юрий Рекка, днепропетровец Василий Сиротенко счастливым образом встретились в Перми, в университете, и интегрировались в его профессорско-преподавательский интернационал. В этом географическо-биографическом переплетении можно усмотреть какой-то знак судьбы. Павел Юхимович частенько говорил мне, что, как выяснилось, до войны в Киеве его семья жила довольно близко от семейства Кертманов и в шаговой доступности от Крещатика. Тогда они не были знакомы и, естественно, не могли подозревать, что минует по историческим меркам не так уж много времени и носители этих фамилий не только встретятся друг с другом, но и будут определять лицо университетской исторической науки как в Перми, так и во всей стране. Директор Института всеобщей истории РАН академик А. Чубарьян называет профессоров Л. Кертмана и П. Рахшмира среди тех не очень многочисленных ученых, которые подняли в своих регионах развитие исторического знания и подготовку специалистов до высоких международных стандартов. И с этим утверждением невозможно не согласиться.

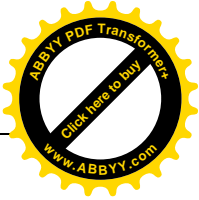
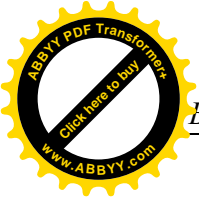
Правда, в жизни иногда приходится сталкиваться с разными казусами.

В 2003 г. я приехал в Киев подписывать договор о сотрудничестве с историческим факультетом Киевского университета (теперь – Национальный университет имени Т. Шевченко). Сопровождавший меня замдекана с гордостью демонстрировал один из этажей главного корпуса университета на улице Владимирской, где располагается факультет. На стенах недавно отремонтированного здания висели портреты выпускников факультета, оставивших заметный след в развитии исторической науки в Российской империи, Советском Союзе, Украине. Не обнаружив среди них портрета Л. Е. Кертмана, который не только учился в Киевском университете, но и преподавал на истфаке до своего вынужденного переселения в Пермь, попытался выяснить, не случайность ли это. На мой вопрос, почему в этой галерее нет портрета Л. Е. Кертмана, замдекана удивленно вскинул брови: «А кто это такой?» Пришлось рассказать без преувеличения героическую биографию Льва Ефимовича, упомянуть его труды, на что киевский коллега отреагировал не как ученый, а как чиновник: «В наших списках профессор Кертман не значится...»

Как известно, худа без добра почти не бывает. Можно, наверное, считать и так, что от развернутой Сталиным кампании против «безродных космополитов» в выигрыше оказался Пермский государственный университет, предоставивший Льву Кертману возможность работать и создавать свою научную школу, в которой Павел Рахшмир был одним из наиболее одаренных и самобытных учеников и последователей.

Со временем благодаря связке Кертман – Рахшмир исторический факультет ПГУ и город Пермь становятся местом, куда приезжают и где выступают многие ведущие историки Советского Союза. На защиту кандидатской диссертации самого Павла Рахшмира в качестве оппонента приехал академик Алексей Нарочницкий. Профессор Альберт Манфред, автор биографического бестселлера «Наполеон Бонапарт», с присущим только ему блеском и остроумием выступал на заседании диссертационного совета ПГУ по защите докторской диссертации кишиневского историка Г. Энгельгардта. В зале яблоку негде было упасть во время речи Манфреда, ловили каждое его слово. Нечасто такое можно было увидеть на научном мероприятии.

Лично мне благодаря дружбе с Павлом Юхимовичем посчастливилось встретиться и беседовать в неформальной, непринужденной обстановке, располагающей к доверительности, со многими корифеями отечественной исторической науки. Невозможно забыть гостеприимную атмосферу

маленькой очень уютной квартиры Цецилии Исааковны Кин в доме кооператива Союза писателей СССР рядом с метро «Аэропорт». Хозяйка – один из знатоков истории и культуры Италии, жена писателя Виктора Кина, завораживала своими бесценными размышлениями об особенностях итальянского общества на рубеже XIX и XX вв., которое не удержалось от соблазна и сделало ставку на путь к благоденствию, предложенный Б. Муссолини.

Особенно впечатлила меня встреча с историком профессором Александром Некричем, человеком, судьба которого полна драматических коллизий. Как выяснилось много лет спустя, перипетии его жизни в СССР своеобразно повлияли на место моей работы сегодня.

Как известно, Александр Моисеевич Некрич опубликовал в 1965 г. в издательстве «Наука» не очень значительным по советским меркам тиражом (50 тыс. экземпляров) свою книгу «1941, 22 июня». Вскоре книга вышла в США и ряде стран Европы. В ней ставился вопрос о причинах катастрофической неготовности СССР к войне с нацистской Германией в 1941 г. и о тяжелой ситуации, в которой оказалась страна, руководимая Сталиным.

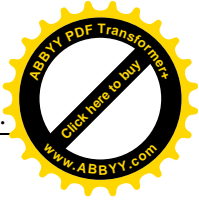
Появление книги А. Некрича вызвало острую полемику в научном и околонучном мире. Вторая половина 60-х гг. в СССР проходила под знаком идеологического реванша возглавляемого М. Суловым просталинского крыла в Политбюро и ЦК, для которых даже довольно ограниченная хрущевская «оттепель» казалась крушением всех идейных устоев социализма. В 1967 г. книга была изъята из открытого доступа в библиотеках страны и отправлена в спецхраны, а Александру Некричу было предложено признать свои взгляды ошибочными, а книгу – фальсификацией. За отказ это сделать историк на заседании Комитета партийного контроля под руководством А. Я. Пельше был исключен из рядов КПСС.

«Дело Некрича» имело следствием даже то, что Институт истории АН СССР, где он работал, в скором времени был разделен на два учреждения – Институт истории СССР и Институт всеобщей истории АН СССР. Причина такой трансформации в том, что партком Института истории АН СССР (М. Альперович, Я. Дабкин и др.) отказался исключать А. Некрича из партии за его научные взгляды, и вообще члены парткома института высказались за отмену цензуры в СССР. Поэтому решение по делу Некрича и принималось «на самом верху». Не найдя управы на «мятежный партком», власть поступила просто: она вообще упразднила Институт истории АН СССР. Как следствие, не стало и парткома. Взамен в 1968 г. появились два исследовательских института, которым уже перевалило за 45 лет. В нынешнем виде это Институт российской истории РАН и Институт всеобщей истории РАН. После отлучения от профессии Александр Моисеевич еще какое-то время пытался бороться с системой, которая даже в мелочах проявляла свою жестокость и антигуманность. Уже на следующий день после решения КПК при ЦК КПСС на фотографии Александра Моисеевича, висевшей на информационном стенде института «Наши фронтовики – участники Великой Отечественной войны», были выколоты глаза. Над фотографией продолжали глумиться даже после ее замены.

Не очень многие из коллег по цеху находили в себе мужество поддерживать нормальные отношения с человеком, обвиняемым в антисоветизме. Павел Рахшмир был одним из этих немногих. По его просьбе я как-то повез Некричу в Москву письмо и книгу из личной библиотеки пермского профессора. Отправлять корреспонденцию по почте в этом случае было и опасно, и наверняка ненадежно. Александр Моисеевич пригласил меня к себе домой. Мне казалось, что общение наше продлится две-три минуты, необходимые для выполнения функции курьера. На деле вышло иначе. Некрич принял меня в своем просторном кабинете в квартире, расположенной в доме научных работников. Все стены квартиры были заставлены стеллажами с книгами. Он угощал чаем, подробно расспрашивал о занятиях консерватизмом, дал кучу полезных советов и необходимой информации, ответил на мои многочисленные вопросы. От него-то я и узнал многие подробности его тогдашнего положения. Нашу встречу, продолжавшуюся почти два с половиной часа, считаю одной из рубежных в своем профессиональном становлении. Вскоре я узнал, что Александр Моисеевич вынужден был покинуть страну.

Мои довольно фрагментарные заметки о своем Учителе и друге Павле Юхимовиче Рахшмире, навеянные прежде всего личными воспоминаниями, были бы далеко не полными без упоминания еще одного человека – профессора Александра Абрамовича Галкина.

Александр Галкин – человек уникальный и легендарный. Он прошел всю Великую Отечественную, воевал на многих участках фронта, вошедших в историю войны как самые горячие ее

точки. Закончил войну капитан Галкин в Берлине, служил в СВАГе¹, а после демобилизации он, выпускник МГУ, занялся исследовательской работой. Один из главных вопросов, которые он ставил перед собой, – в чем суть германского фашизма, подчинившего себе сначала Германию, а потом почти всю Европу. Монография профессора Галкина «Германский фашизм», вышедшая первым изданием в 1967 г., не потеряла своей значимости и сегодня. С Павлом Рахшмиром его связывают почти пятьдесят лет сначала знакомства, потом – тесного сотрудничества, переросшего в крепкую мужскую дружбу.

Мне посчастливилось познакомиться с Александром Абрамовичем в 1975 г., когда он вместе с профессорами И. Чмпаловым и Г. Филатовым приезжал в Пермь в качестве оппонента на защиту докторской диссертации П. Рахшмира. Последние 18 лет мы с Александром Абрамовичем общаемся довольно часто. В 1997 г. после одной из встреч Бориса Ельцина и Гельмута Коля было принято решение о создании Российско-германской комиссии историков, членом которой стал А. Галкин. Мне было доверено возглавить секретариат этой комиссии. Встречаясь на различных мероприятиях, мы много беседуем, естественно, вспоминаем Павла Юхимовича, размышляем об исследованиях консерватизма, о научной школе профессора Рахшмира, о тенденциях в развитии исторической науки.

Последний наш разговор происходил сравнительно недавно и по жанру больше напоминал интервью, фрагменты которого попробую воспроизвести.

В.И.: Александр Абрамович, Вы помните Вашу первую встречу с Павлом Рахшмиром?

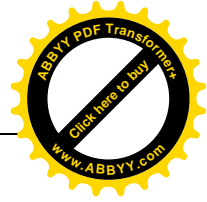
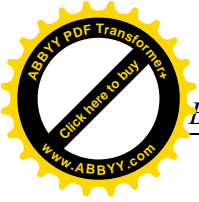
А.Г.: Это было где-то в середине 60-х гг. Мне позвонил один коллега – я работал тогда еще в ИМЭМО – и попросил проконсультировать молодого начинающего историка. Мне в ту пору перевалило за 40, уже была защищена докторская диссертация, и я, чувствуя себя в известной степени мэтром, согласился. На встречу пришел совсем юный человек, лет около 30, внешне очень приветливый и симпатичный. У Паши есть одна особенность, в которой я убеждался не раз. Он с первого взгляда всегда вызывает симпатию. Буквально у всех: у старших и младших, у мужчин и женщин, у коллег и случайных знакомых. Минут через десять после начала нашего разговора я убедился, что никакой он не начинающий, а вполне состоявшийся ученый и наше общение с ним может идти только на равных. Это стало с первого раза моим принципом: никакого менторства по отношению к Рахшмиру, а только диалог на равных. Он, правда, всю жизнь относится ко мне с пиететом более младшего (он младше меня на 13 лет) не только по возрасту, и это ничего не меняет в моих оценках.

Через Пашу я познакомился с Л. Кертманом, стал бывать в Перми в качестве оппонента. Не скажу, что поездки в Пермь были большим вдохновляющим стимулом, но раз Павел просил, я понимал, что это необходимо. Принимали они с Кертманом очень радушно. Чувствовалось, что радушие идет от всего сердца, что это не формальная вежливость.

В.И.: Александр Абрамович, но Вы с Рахшмиром не просто контактировали как коллеги. Со временем Вы стали соавторами, вместе написали книгу о таком политическом и общественном феномене как консерватизм. А это уже совсем другой уровень взаимоотношений. Не пугала перспектива каких-то концептуальных коллизий?

А.Г.: Нет, не пугала. Мы к тому времени достаточно хорошо знали позиции друг друга. Я, правда, пришел к необходимости изучать консерватизм через свои попытки понять феномен фашизма. Гитлер и его сподвижники – это не примитивная банда ублюдков. В основу национал-социализма была положена идеология. Нацизм в известной мере можно рассматривать как интеллектуальный вызов времени и обстоятельствам, в которых Германия оказалась после унижительно-го для немцев Версальского приговора. И нацистам по душе пришлись многие принципы, которые разрабатывали германские младоконсерваторы. Павел же к тому времени имел хороший опыт и большой накопленный материал по анализу послевоенного европейского и американского консерватизма. За ним уже были ученики, некоторые работы которых и мнегодились, когда стал все больше переключаться на сравнительное изучение различных типов консерватизма с его национальными особенностями, в том числе российскими. В нашей совместной книге мы просто объединили усилия и договорились о технологии. Работать с Павлом было легко. Он человек очень обязательный.

В.И.: А как быть с возможными политическими симпатиями и антипатиями соавторов? Они ведь могут иметь расхождения и влиять на интерпретацию явления, на оценочные суждения. Знаю

по нашей с Вами деятельности в совместной Российской-германской комиссии историков, где Вы вели проект «Коминтерн и Германия», что исторически Вы больше симпатизируете левым силам. Насколько могу судить, Павел Рахшмир не в одной с Вами партии.

А.Г.: Для меня, так сказать, партийно-политический вопрос уже давно решен раз и навсегда. Если я анализирую явление, то должен это делать беспристрастно и всесторонне, независимо, нравится оно мне или нет. Что касается Коминтерна, то могу заметить: когда начинаешь знакомиться с документами – освобождаешься от иллюзий. В таком подходе мы с Рахшмиром были полностью солидарны. Знаю, правда, что у историков бывают периоды увлечения объектом исследования. Но со временем это проходит. Для ученого-историка важно отрешиться от политических эмоций и спокойно объяснить, почему так было.

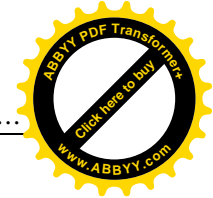
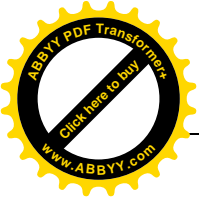
Заканчивая свои субъективные заметки, хочу обратить внимание на то, что они никоим образом не претендуют на всеобъемлющий характер. Возникло желание в первую очередь отразить наиболее запомнившиеся мне моменты, так или иначе связанные с Павлом Юхимовичем Рахшмиром, в самом широком жизненном контексте и в довольно продолжительном временном интерьере. Но это лишь небольшая часть того, что хотелось сказать о своем друге и Учителе в год и день его юбилея.

Примечания

¹ Советская военная администрация в Германии.

Библиографический список

- Андаева Р.Г.* Политика коммунистической партии Франции в области культуры в период народного фронта (1934–1938 гг.). дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1974.
- Беляев В.П.* Старая крепость. М., 1954.
- Галкин А.А.* Германский фашизм. М., 1967.
- Галкин А.А., Рахшмир П.Ю.* Консерватизм в прошлом и настоящем. М., 1987.
- Кертман Л. Е.* Борьба течений в английском рабочем и социалистическом движении в конце XIX – начале XX вв. М., 1962.
- Кертман Л. Е.* География, история и культура Англии. М., 1968.
- Кертман Л. Е., Рахшмир П. Ю.* Буржуазия Западной Европы и Северной Америки на рубеже XIX–XX вв. М., 1984.
- Кертман Л. Е.* История культуры стран Европы и Америки (1870—1917). М., 1987.
- Кертман Л. Е.* Джозеф Чемберлен и сыновья. М., 1990.
- Кин Ц.И.* Итальянские светотени: Заметки о литературе и культуре современной Италии. М., 1975.
- Кин Ц.И.* Италия конца XIX века: судьбы людей и теорий. М., 1978.
- Кин Ц. И.* Италия на рубеже веков: Из истории общественно-политической мысли. М., 1980.
- Кин Ц. И.* Итальянский ребус. М., 1991.
- Купер К.* Аэробика для хорошего самочувствия. М., 1987.
- Лобановский В.В.* Бесконечный матч. М., 1989.
- Михайленко В.И.* Итальянский фашизм: основные вопросы историографии. Свердловск, 1987.
- Некрич А.М.* 1941, 22 июня. М., 1965.
- Некрич А.М.* Отрешись от страха. London, 1979.
- Рахшмир П. Ю.* Проблема взаимосвязи нацизма и «революционного консерватизма» в буржуазной историографии // Ежегодник германской истории. 1972. М., 1973.
- Рахшмир П.Ю.* Происхождение фашизма. М., 1981.
- Рахшмир П.Ю.* Князь Меттерних: человек и политик. Пермь, 1999.
- Сиротенко В.Т.* История международных отношений в Европе во второй половине IV - начале VI в. Пермь, 1975.
- Сиротенко В.Т.* Народные движения в поздней Римской империи и образование варварских королевств. Днепропетровск, 1988.
- Смирнов В.П.* Движение Сопротивления во Франции в годы второй мировой войны. М., 1974.
- Смирнов В.П.* Новейшая история Франции. 1918–1975. М., 1979.
- Смирнов В.П.* Франция: страна, люди, традиции. М., 1988.
- Смирнов В.П.* Франция в XX в. М., 2001.
- Чубарьян А. О.* Европейская идея в истории: проблемы войны и мира. М., 1987.
- Чубарьян А. О.* XX век: взгляд историка. М., 2009.
- Эделман Р.* Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР. М., 2008.
- Энгельгардт Р.Ю.* Французский абсолютизм конца XVII и начала XVIII в.: дис. ... докт. ист. наук. Ки-

шинеv, 1970.

Дата поступления рукописи в редакцию 08.02.2015

THE PORTRAIT OF THE TEACHER IN THE CONTEXT OF TIME

V. V. Ishchenko

Institute of General History (RAS), 119334, Lenin ave., 32A, Moscow., Russia
vikist@rambler.ru

The article describes the biography and contribution to history of Doctor of History, Professor, Head of the Department of Modern History of Perm State National Research University P.Iu Rakhsmir.

Key words: P.Iu. Rakhsmir, Department of General History, Perm State University, Conservatism, Institute of General History (Russian Academy of Sciences).

References

- Andaeva R.G.* Politika kommunisticheskoi partii Frantsii v oblasti kul'tury v period narodnogo fronta (1934-1938 gg.). Diss... kand. ist. nauk. Perm', 1974.
- Belyaev V.P.* Staraja krepost'. M., 1954.
- Galkin A.A.* Germanskii fashizm. M., 1967.
- Galkin A.A., Rakhshmir P.Iu.* Konservatizm v proshlom i nastoyashchem. M., 1987.
- Kertman L. E.* Bor'ba techenii v angliiskom rabochem i sotsialisticheskom dvizhenii v kontse XIX — nachale XX v. M., 1962.
- Kertman L. E.* Geografiia, istoriia i kul'tura Anglii. M., 1968.
- Kertman L. E., Rakhshmir P. Yu.* Burzhuaziya Zapadnoi Evropy i Severnoi Ameriki na rubezhe XIX—XX vv. M., 1984.
- Kertman L. E.* Istoriia kul'tury stran Evropy i Ameriki (1870—1917). M., 1987.
- Kertman L. E.* Dzhozef Chamberlen i synov'ia. M., 1990.
- Kin Ts.I.* Ital'ianskie svetoteni: Zametki o literature i kul'ture sovremennoi Italii. M., 1975.
- Kin Ts.I.* Italiia kontsa XIX veka: sud'by lyudei i teorii. M., 1978.
- Kin Ts. I.* Italiia na rubezhe vekov: Iz istorii obshchestvenno-politicheskoi mysli. M., 1980.
- Kin Ts. I.* Ital'ianskii rebus. M., 1991.
- Kuper K.* Aerobika dlia khoroshego samochuvstviia. M., 1987.
- Lobanovskii V.V.* Beskonechnyi match. M., 1989.
- Mikhailenko V.I.* Ital'ianskii fashizm: osnovnye voprosy istoriografii. Sverdlovsk , 1987.
- Nekrich A.M.* 1941, 22 iyunya. M., 1965.
- Nekrich A.M.* Otreshis' ot strakha. London, 1979.
- Rakhshmir P. Iu.* Problema vzaimosviasi natsizma i «revoliutsionnogo konservatizma» v burzhuaznoi istoriografii. *Ezhegodnik germanskoi istorii.* 1972. M., 1973. S. 409 – 431.
- Rakhshmir P.Iu.* Proiskhozhdenie fashizma. M., 1981.
- Rakhshmir P.Iu.* Kniaz' Metternikh: chelovek i politik. Perm', 1999.
- Sirotenko V.T.* Istoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v Evrope vo vtoroi polovine IV - nachale VI v. Perm', 1975.
- Sirotenko V.T.* Narodnye dvizheniia v pozdnei Rimskoi imperii i obrazovanie varvarskikh korolevstv. Dnepropetrovsk, 1988
- Smirnov V.P.* Dvizhenie Soprotivleniia vo Frantsii v gody vtoroi mirovoi voiny. M., 1974.
- Smirnov V.P.* Noveishaia istoriia Frantsii. 1918-1975. M., 1979.
- Smirnov V.P.* Frantsiia: strana, liudi, traditsii. M., 1988.
- Smirnov V.P.* Frantsiia v XX veke. M., 2001.
- Chubar'ian A. O.* Evropeiskaya ideia v istorii: problemy voiny i mira. M., 1987
- Chubar'ian A. O.* XX vek: vzgliad istorika. M., 2009.
- Edelman R.* Ser'eznaia zabava. Istoriia zrelischnogo sporta v SSSR. M., 2008.
- Engel'gardt R.Iu.* Frantsuzskii absolutizm kontsa XVII i nachala XVIII veka. Diss... dokt. ist. nauk. Kishinev, 1970.